

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>
УДК 323(7+5)“1990/1991”

Христенко Дмитрий Николаевич
Ярославский государственный медицинский университет

ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990–1991 ГГ.) И НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЖ. БУША-СТАРШЕГО

В статье анализируется внешнеполитическая концепция «нового мирового порядка» Д. Буша-старшего, которую он выдвинул в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.). Несмотря на свою короткую длительность, ближневосточный конфликт стал символом трансформации международных отношений, обусловленной кризисом биполярной системы, и становлением Соединенных Штатов как главной военно-политической силы в мире. Вследствие этого Вашингтон стремился заново осмыслить свою роль на мировой арене. Эту задачу и была призвана решить концепция «нового мирового порядка». Основными источниками для данной статьи послужили мемуары бывшего американского президента Дж. Буша-старшего и его госсекретаря Дж. Бейкера, документы администрации Белого дома, а также публикации наиболее авторитетного издания по международным отношениям в США «Форин Аффферс». Методология исследования включает в себя пространственно-временной анализ Ф. Броделя, историко-описательный и историко-генетический методы. Отмечается, что внешнеполитическая концепция «нового мирового порядка» оказалась в центре общественного внимания и вызвала острую дискуссию в США, по итогам которой был отвергнут ее основной элемент – опора на союзников и верховенство международного права. Попытки российской дипломатии предложить скорректированную трактовку концепции «нового мирового порядка» не встретили понимания за океаном. Вашингтон взял курс на единоличное лидерство в мире, что спровоцировало дестабилизацию ситуации на мировой арене на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: война в Персидском заливе, Дж. Буш-старший, новый мировой порядок, внешняя политика, США, Ирак, ООН

Информация об авторе: Христенко Дмитрий Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета, г. Ярославль, Россия

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.09.2020

Для цитирования: Христенко Д.Н. Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и новая внешнеполитическая концепция Дж. Буша-старшего // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 65-69. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>

Dmitrii N. Khristenko
Yaroslavl State Medical University

THE GULF WAR (1990–1991) AND NEW FOREIGN POLITICAL CONCEPT OF GEORGE HERBERT WALKER BUSH

The article examines the foreign policy concept of the «new world order» of George Herbert Walker Bush, which he put forward during the Gulf War (1990-1991). Despite its short duration, the Middle East conflict has become a symbol of the transformation of international relations initiated by the crisis of the bipolar system and arising of the United States as the main military and political world power. Consequently, Washington sought to rethink its role in the world arena. This task was intended to solve by the concept of a «new world order». The main sources for this article were the memoirs of the former American president and James Addison Baker III (U.S. Secretary of State), documents of White House' administration, as well as publications of «Foreign Affairs» – the most influential journal on international relations in the United States. The research methodology includes the space-time analysis of Fernand Paul Achille Braudel, historical-descriptive and historical-genetic methods. It is noted that the foreign policy concept of a «new world order» was in the centre of public attention and caused a heated discussion in the United States, as a result of which was rejected its main element – reliance on allies and the rule of international law. The attempts of Russian diplomacy to propose a corrected interpretation of the concept of a «new world order» did not meet the understanding overseas. Washington took a course towards sole leadership in the world that triggered the deterioration of the state of affairs in the world arena in the long term.

Keywords: Gulf War, George Herbert Walker Bush, new world order, foreign policy, USA, Iraq, United Nations

Information about the author: Dmitrii N. Khristenko, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Article received: September 10, 2020

For citation: Khristenko D.N. The Gulf War (1990–1991) and new foreign political concept of George Herbert Walker Bush. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 65-69 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>

Война в Персидском заливе, вспыхнувшая на Ближнем Востоке ровно тридцать лет назад, продолжалась всего около полугода, с августа 1990 г. до февраля 1991 г., но ее значение нельзя недооценивать. Принимая во внимание утверждение Ф. Броделя о том, что наиболее существенную роль в историческом процессе играет история «длительного времени» [Бродель: 641], можно было бы сделать логическое умозаключение, что война в Персидском заливе не может считаться эпохальным событием. Однако это не так. Взятый в контексте окончания холодной войны, ближневосточный конфликт стал кульминационной точкой происходившей на глазах современников трансформации международных отношений, связанных с распадом биполярной системы и выходом США на позиции ведущей военно-политической силы в мире.

Не случайно, что именно в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), президентом Дж. Бушем-старшим была выдвинута концепция «нового мирового порядка», предлагавшая совершенно иную перспективу действий Вашингтона на мировой арене.

Ощущение глубокой исторической значимости происходящих событий было осознано Дж. Бушем-старшим и его советником по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофтом всего через три недели после начала войны в Персидском заливе, первым этапом которой стало вторжение иракских войск в Кувейт. В конце августа 1990 г. в Белом доме состоялась дискуссия, в ходе которой Дж. Буш-старший и Б. Скоукрофт пришли к выводу о том, что вся внешняя политика Соединенных Штатов находится на пороге «фундаментальных изменений» [Буш, Скоукрофт: 316]. Подобная ситуация была связана с тем, что СССР впервые за «сорок лет конфронтации» открыто поддержал Вашингтон, совместно с Белым домом осудив действия режима С. Хусейна [Буш, Скоукрофт: 316]. Тогда же американским президентом была сформулирована фраза, которая станет ключевой в его новой внешнеполитической концепции: «В сравнении с периодом, который нам довелось пережить, предстоящая эра представлялась новым мировым порядком, и эта фраза – пусть не очень оригинальная – в тот день использовалась нами для характеристики открывающихся перед нами возможностей» [Буш, Скоукрофт: 316].

Так, сначала для внутреннего круга своих сотрудников, а впоследствии и для широкой общественности Дж. Бушем-старшим был задан новый идеологический дискурс внешнеполитических действий США. Стоит отметить, что лежащая в его основе идея американского исключительного права вмешиваться в международные отношения прослеживалась еще у Рональда Рейгана, при котором Дж. Буш-старший занимал должность вице-

президента. Но если при Р. Рейгане речь преимущественно шла о праве США возглавлять борьбу «свободного мира» с «коммунистической угрозой» СССР, то администрация Дж. Буша-старшего перешла к трактовке американской исключительности как права определять не только внешнею, но и внутреннюю политику суверенных стран независимо от отношений Москвы и Вашингтона. В частности, в апреле 1989 г., как отмечал Б. Скоукрофт, Белый дом решил «сделать перемены в Восточной Европе самостоятельной целью, а не просто инструментом, который будет использоваться против Советского Союза. В практическом плане это означало, что мы будем в большей мере следить за внутренней политикой этих стран и экономическими реформами, чем за внешней политикой как критерием американской поддержки» [Буш, Скоукрофт: 316]. Агрессия Ирака против Кувейта и начало войны в Персидском заливе дали возможность Дж. Бушу-старшему публично сформулировать новую внешнеполитическую стратегию.

В выступлении перед американскими законодателями на Капитолийском холме 11 сентября 1990 г. глава Белого дома масштабно очертил две главные составляющие «нового мирового порядка»: идею противодействия агрессии с позиций морали и международного права, а также убеждение в необходимости американского лидерства. Президент США заявил о рождении «нового мира», подчеркнув, что «ни один диктатор не может больше рассчитывать на конфронтацию между Востоком и Западом, которая блокировала согласованные действия ООН против агрессии». Дж. Буш-старший отметил, что «на смену закону джунглей приходит верховенство права», и роль Соединенных Штатов в поддержании легитимного миропорядка возрастает в чрезвычайной степени¹.

Последовавшие многочисленные обращения Дж. Буша-старшего к концепту «нового мирового порядка» на протяжении всего кризиса в Персидском заливе спровоцировали в США активное обсуждение перспектив развития внешней политики страны. Развернулась широкая дискуссия, в которой приняли участие известные журналисты, общественные деятели, ученые и члены ведущих «мозговых центров».

Главный вектор обсуждения был связан с внутренним наполнением концепции «нового мирового порядка» в том смысле, как его заявил Дж. Буш-старший, что и определило основные направления дискуссии. Эксперты, подчеркивавшие первый компонент – противодействие агрессии на основе моральных ценностей и права – полагали, что политика США должна опираться на развитую систему коллективной безопасности, что означало опору на союзников, разделяющих базовые ценностные установки, и авторитетные международные организации. К приверженцам данного направления от-

носились такие исследователи, как А. Рубинштейн, Б. Руссет и Дж. Суттерлин. В их интерпретации новый мировой порядок означал возрождение идеи коллективной безопасности, выдвинутой В. Вильсоном после Первой мировой войны, предполагавшей создание международной организации – Лиги Наций и системы взаимных межгосударственных обязательств с целью коллективного отражения любой возникшей агрессии одной страны против другой [Rubinstein; Russet, Sutterlin].

Наоборот, эксперты, подчеркивавшие второй компонент – американское лидерство – были уверены, что Вашингтон должен взять на себя руководство на мировой арене, доказывая преимущество однополярного мира во главе с США. Варьировались только оценки масштабов американской вовлеченности – если Ч. Краутхаммер выступал за подавляющую гегемонию США, то Збигнев Бжезинский высказывался за «выборочное глобальное присутствие», полагая достаточным контроль наиболее важных мировых центров [Krauthammer, Brzezinski].

Сам Дж. Буш-старший в ходе войны в Персидском заливе занял промежуточную позицию, пытаясь совместить оба подхода. С одной стороны, он жестко блокировал попытки советского лидера М.С. Горбачева помешать проведению наземной военной операции против иракских войск в феврале 1991 г. [Буш, Скоукрофт: 424]. С другой стороны, американский президент подчеркивал, что США получили мандат на боевые действия от ООН, что Вашингтон создал солидную коалицию из арабских союзников (Египет, Сирия, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.) и что именно соображения того, что США ведут войну не ради собственной выгоды, но в интересах мирового сообщества, заставили его остановить боевые действия на границе с Ираком [Буш, Скоукрофт: 435–436].

Действительно, нельзя сомневаться, что обладая подавляющим превосходством над вооруженными силами С. Хусейна, американские войска могли бы достаточно легко войти в Багдад и свергнуть одиозного иракского лидера. Однако этого не произошло, более того, С. Хусейн успешно подавил восстания курдов и шиитов весной – летом 1991 г., продемонстрировав, что по-прежнему контролирует обстановку в стране.

Все это вызвало разочарование и в экспертной среде, и в американском обществе. Стало очевидно, что Америку гораздо больше заботят собственные национальные интересы, чем отвлеченные идеи о «новом мировом порядке», где господствуют моральные ценности и действует система коллективной безопасности. Буквально по горячим следам вышли работы серьезных американских исследователей Р. Хилсмана и Дж. Рекорда, где итоги войны оценивались не иначе как «политическая неудача» и «пустая победа» [Hilsman, Record].

Такое же мнение стало распространяться и среди жителей США. К лету 1991 г., по результатам опросов общественного мнения, большинство респондентов – 67 % – считали, что война окончилась «неполной победой», а 57 % опрошенных заявили, что они «разочарованы» политикой Буша, давшей С. Хусейну возможность остаться у власти [Hess: 218].

Даже такой видный теоретик международных отношений, как Г. Киссинджер, постфактум резко раскритиковал Дж. Буша-старшего. Бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь США был убежден, что необходимо было довести войну в Персидском заливе до своего логического конца и устранить С. Хусейна с политической сцены [Киссинджер: 208].

В результате Дж. Буш-старший, как он сам признавался в своих мемуарах, написанных на основе дневниковых записей, внутренне испытал чувство горького разочарования. Оно было связано с отсутствием формальной безоговорочной капитуляции Ирака подобно капитуляции нацистской Германии в 1945 г., что оставило у него неприятный осадок [Буш, Скоукрофт: 433].

Разочарование итогами войны в американском обществе дополнялось растущим неприятием самой сути внешнеполитической концепции Дж. Буша-старшего. Причем критика зазвучала со стороны крайне активной и влиятельной социальной группы, образующей саму основу его электората – правых консервативных христианских республиканцев из южных штатов. Символом этого недовольства стал бестселлер влиятельного религиозного проповедника Пэта Робертсона «Новый мировой порядок», вышедший в 1991 году. В нем предсказывалось создание глобальной диктатуры, центром которой станет Организация Объединенных Наций. В результате произойдет полная трансформация всей жизни американского общества, когда и внешняя, и внутренняя политика США окажутся под контролем ООН [Олбрайт: 106–107]. Несмотря на очевидную абсурдность этих утверждений, работа П. Робертсона получила широкую популярность в консервативных кругах.

Более здравые критические аргументы высказывались ранее на Капитолийском холме. Еще перед началом военной операции «Буря в пустыне» против иракских войск сенатор-демократ Боб Керри от штата Небраска предупреждал, что использование американских войск в Персидском заливе станет трагической ошибкой, из-за которой потенциал создания «нового мирового порядка» будет променян на привычный метод ведения дел на мировой арене. Вместо того чтобы сделать упор на дипломатию и многостороннее сотрудничество, Вашингтон в результате войны неизбежно вернется к опоре на силовые методы решения вопросов в международных отношениях [Baker: 349].

И даже ключевой сотрудник администрации Дж. Буша-старшего, госсекретарь Дж. Бейкер, по всей видимости, не вполне разделял понимание внешнеполитической концепции с главой Белого дома. Описывая в своих мемуарах процесс постконфликтного урегулирования на Ближнем Востоке после окончания войны, Дж. Бейкер признавал, что Вашингтон не смог предложить внятного объяснения новой внешнеполитической концепции, что, по его мнению, породило путаницу и неправильное восприятие. Сам госсекретарь заявлял, что под «новым мировым порядком» необходимо понимать не отсутствие региональных конфликтов, но распространение демократических идей под руководством США [Baker: 415].

Тем не менее в ходе предвыборных дебатов в 1992 г. Дж. Буш-старший вновь обратился к концепции «нового мирового порядка», формулируя свои внешнеполитические приоритеты. Американский президент отметил, что для него новый мировой порядок «означает свободу и демократию», предполагает активное «вовлечение» в ситуацию на мировой арене и отказ от изоляционизма. Дж. Буш-старший отметил, что только военные усилия США в ходе кризиса в Персидском заливе предотвратили сценарий, при котором «С. Хусейн захватил бы три пятых мировых нефтяных запасов и уже бы имел ядерное оружие»². Однако избирателей подобные заявления не убедили, и Дж. Буш-старший, вину которому прежде всего ставили спад в экономике США, не смог переизбраться на второй срок, уступив свое место У. Клинтону.

Новая администрация США практически сразу же отказалась от использования понятия «нового мирового порядка», выдвинув в качестве основы своей внешней политики концепцию «расширения демократии», автором которой был советник У. Клинтона по национальной безопасности Э. Лейк [Войтловский: 311]. Но примечательно, что в новой внешнеполитической доктрине сохранился важнейший элемент старой – заявка на американское лидерство в мире. Были лишь несколько по-иному смещены акценты, что определило новое прочтение минувших событий.

Так, оригинальную трактовку войны в Персидском заливе предложил в 1997 г. авторитетный исследователь Р. Хаасс, доказывавший, что в ходе ближневосточного конфликта Вашингтон впервые выступил в принципиально новой роли – роли добровольного «мирового шерифа», возглавившего временную коалицию государств, заинтересованных в решении конкретной задачи – отражение агрессии Ирака. Тем самым был создан прецедент для формирования подобных временных коалиций в будущем [Haass].

Таким образом, отголоски дискуссии о «новом мировом порядке» продолжались все 1990-е годы, причем не только в США, но и в России. И если

первая половина этого десятилетия прошла под знаком дипломатии А. Козырева, нацеленной на безоговорочное сотрудничество с западными партнерами, то после того как министром иностранных дел был назначен Е. Примаков, позиция России была изменена в сторону более решительного и твердого отстаивания национальных интересов.

Е. Примаков попытался предложить скорректированную трактовку «нового мирового порядка», подчеркивая, что с окончанием холодной войны произошел переход от мировой биполярной системы не к однополярному, а к многополюсному миру. Главная сложность заключалась в том, что не изменилось наполнение международных отношений, и на смену системы «баланса сил» великих держав так и не «пришло равноправное партнерство».

В связи с этим, доказывал Е. Примаков, действительный переход к «новому мировому порядку» был бы возможен лишь при условии недопущения возникновения «новых разделительных линий» на мировой арене, освобождения от «менталитета «ведущих» и «ведомых» государств, демократизации международных экономических отношений, а также «скоординированности» и «кооперативности» в решении глобальных вопросов, включая укрепление международной безопасности и помощь развивающимся странам [Примаков: 5–6].

Данные постулаты не нашли понимания в Вашингтоне, где, наоборот, все сильнее укреплялась вера в свою исключительность. Это стало очевидно во время бомбардировок Югославии 1999 г., спровоцировавших острый кризис в российско-американских отношениях, символом которого стал знаменитый «разворот над Атлантикой» главы российского правительства.

Спустя четыре года, в 2003 г., США без какой-либо санкции ООН и при единодушном осуждении мирового сообщества развязали новую войну с Ираком, и американские войска вошли в Багдад. Это стало началом долгосрочного кризиса на Ближнем Востоке, который обернулся многочисленными разрушениями и жертвами как среди гражданского населения, так и американских солдат. Правительства Франции и Германии публично осудили действия Вашингтона и американский гегемонизм. Примечательно, что в вышедшей в том же году знаменитой работе американского аналитика Роберта Кейгана «О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке», посвященной феномену трансатлантического раскола, отмечалось, что его начало восходит как раз к правлению Дж. Буша-старшего. Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) продемонстрировала, утверждал Р. Кейган, фундаментальную разницу в подходах к окончанию холодной войны: в то время как Европа надеялась «получить порядочные дивиденды от мира», США стремились «пожать плоды» своей однополярности, когда у Вашингтона «появилась

возможность осуществлять вмешательства где угодно и когда угодно» [Кейган: 28–30]. Соглашаясь с данной оценкой, можно добавить, что односторонняя политика США, доведенная до своего крайнего воплощения, вызвала отторжение даже у ближайших союзников в Европе.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что у концепции «нового мирового порядка» Дж. Буша-старшего, выдвинутой в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), оказалась очень короткая жизнь. Она не нашла действительной поддержки ни в американском обществе, ни в политических кругах, ни среди союзников. В результате вместо выстраивания равноправного сотрудничества с партнерами на мировой арене, включая и Россию, и ведущими международными организациями (ООН) Вашингтон взял курс на силовое решение международных кризисов, что привело к дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке, а впоследствии и в других регионах мира на длительную перспективу.

Примечания

¹ Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. September 11, 1990. Public Papers of the Presidents of the United States: George H.W. Bush. 1990. Book II: July 1 to December 31, 1990. Wash., GPO, 1991, pp. 1219.

²The Second Clinton-Bush-Perot Presidential Debate. Second Half of Debate. October 15, 1992. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-15-1992-second-half-debate-transcript/> (дата обращения: 12.08.2020).

Список литературы

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3: Время мира. 680 с.

Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. 502 с.

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годов. М.: Крафт+, 2007. 453 с.

Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: РОССПЭН, 2004. 160 с.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. 350 с.

Олбрайт М. Религия и мировая политика. М., 2007. 352 с.

Примаков Е. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

Baker J. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace, 1989–1992. New York, G.P. Putnam's Sons, 1995, 687 p.

Brzezinski Z. Selective Global Commitment. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 4, pp. 1–20.

Haass Richard N. The Reluctant Sheriff: the United States after the Cold War. New York, Council on Foreign Relations, 1997, 148 p.

Hess Gary R. Presidential Decisions for War: Korea, Vietnam, the Persian Gulf and Iraq. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 2009, 328 p.

Hilsman R. George Bush vs. Saddam Hussein: Military Success! Political Failure? Novato. California, Lyford Books, 1992, 273 p.

Krauthammer Ch. The Unipolar moment. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 1, pp. 23–33.

Record J. Hollow Victory: a Contrary View of the Gulf War. New York, Brassey's, 1993, 186 p.

Rubinstein A.Z. New World Order or Hollow Victory. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 4, pp. 53–65.

Russet B., Sutterlin J. The U.N. in a New World Order. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 2, pp. 69–83.

References

Braudel F. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 3: Vremja mira* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: The Perspective of the World]. Moscow, Progress Publ., 1992, 680 p. (In Russ.)

Bush G., Scowcroft B. *Mir stal drugim* [A world transformed]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004, 502 p. (In Russ.)

Vojtolovskij F.G. *Edinstvo i razobshhennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporjadka 1940–2000-e gody* [Unity and disunity of the West: ideological reflection in the minds of the elites of the United States and Western Europe of the transformations of the political world order of the 1940–2000s]. Moscow, 2007, 453 p. (In Russ.)

Kissinger H. *Nuzhna li Amerike vneshnjaja politika?* [Does America Need a Foreign Policy?]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 350 p. (In Russ.)

Albright M. *Religija i mirovaja politika* [The Mighty and Almighty]. Moscow, 2007, 352 p. (In Russ.)

Primakov E. *Mezhdunarodnye otnoshenija nakanune XXI veka: problemy, perspektivy* [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The Mighty and Almighty], 1996, № 10, pp. 3–13. (In Russ.)